

ИНОАФИША

Да, Гавелу некогда. Оттого не смог он даже участвовать в работе конгресса Европейского культурного клуба, хотя к его рождению имеет прямое отношение.

Кафка

путает карты

Чехословацкие диссиденты задумали создать Европейский культурный клуб с центром в Праге еще несколько лет назад, в начале горбачевской «оттепели». Клуб виделся им внеправительственной структурой, способной объединить интеллектуальные силы Востока и Запада. Теперь, когда многие из вчерашних инакомыслящих вошли в правительство Гавела, а границы рушатся вполне официальным путем, цели и задачи клуба должны измениться. Как? Об этом и спорили те, кто приехал в Прагу в декабре.

Споры были разные — и пустые, и плодотворные. Кто-то, подобно замечательному чешскому драматургу Павлу Когоуту, живущему в основном на Западе, предьявлял счет и немецким, и чешским интеллигентам, игравшим, по его мнению, не лучшую роль в годы стагнации. Кто-то, напротив, более заботился о будущем, как, скажем, недавний наш эмигрант микробиолог Валерий Соيفер (ныне профессор Мейсонского университета в США), наметивший целую программу борьбы с рецидивами тоталитаризма. Звучали и сомнения в необходимости создания клуба. И все же конгресс состоялся — и все 250 его участников стали членами — учредителями ЕКК. Президентом был избран Иосиф Цесаржовский.

Не без трепета душевного направлялась я на конгресс. Вина советского народа перед Чехословакией велика и неизбывна. Как-то встретят тебя с твоим докладом о Кафке на родине великого писателя? Сомнения рассеялись (хотя и не окончательно) на заседании театральной секции, где наши с Татьяной Шах-Азизовой рассуждения были встречены вполне благосклонно. Как после некоторых дебатов и проект «Вишневый сад», предложенный режиссером Александром Вилькиным. Жаль, что не было с нами Сергея Юрского, его звали, ждали, но он... не смог достать билет на самолет! Вот уж где настоящий «кафка».

По меткому замечанию А. Вилькина, Кафка и в Праге не покидал нас, все время участвовал и «путал карты». И все же театральный проект его имени удалось обсудить и одобрить: в сентябре 1991 года в немецком городке Бохум решено провести фестиваль лучших кафковских спектаклей. Финансовые проблемы взял на себя опять же чешский эмигрант — доктор Шпильман, владелец выставочного зала в Бохуме.

Гораздо более ощутимым было присутствие Кафки (а значит — неизбывного абсурда) в последний день конгресса, когда обсуждались устав, декларация и избирался президиум. «Кафку» насаждали главным образом наши соотечественники из московских литературных кругов, которые с большевистским задором, как у себя на собраниях, пытались скомпрометировать одного писателя ради возвышения другого. Это выглядело нелепо прежде всего оттого, что западные интеллектуалы в равной степени не знакомы ни с Даниилом Граниным, ни с Виктором Ерофеевым. Зато теперь все узнали, что склока — любимое занятие советских «интеллектуалов».

После конгресса я смогла на недельку задержаться в Праге, но ни Кафка, ни Гавел, ни Чехов так и не оставили меня в одиночестве, сопровождая повсюду.

Репертуарный

президент

Гавел. Не разочаровавший еще соотечественников президент то появлялся во фраке под торжественные фанфары в Испанском зале Градчан — и его встречали стоя, искренними аплодисментами. То скромно, в подростковой курточке и клетчатом шарфике, сидел на благотворительном концерте Пласидо Доминго. Он то улаживал обострившиеся нехоти отношения между чехами и словаками, то совершенно не по-президентски, остроумно и находчиво, отвечал на вопросы корреспондента пражского радио (эти его воскресные интервью пользу-

Кафка, Чехов... и Гавел?

В ПРАГЕ УЧРЕЖДЕН ЕВРОПЕЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КЛУБ

Жизнь наших театров была бы сейчас куда богаче, если бы Михаил Сергеевич Горбачев в годы застоя сочинял бы, скажем, пьесы. Сужу по театральной ситуации Праги. Там нет проблем с драматургией: за период с 1968 года хороших пьес накопилось столько, что Театральный институт едва успевает публиковать реестры с указанием даты зарубежной премьеры и прочерком на месте пражской постановки. Лидирует среди запрещенных ранее авторов Вацлав Гавел. Сейчас президенту некогда писать пьесы. А жаль — драматург он неплохой. Ему остается только завидовать собратьям, таким, скажем, как Кароль Штайгервальд, только что выпустивший в «Дивадио на забрадли» спектакль «Горе-горе, боюсь петли и ямы» по мотивам судьбы Осипа Мандельштама.

ются у пражан большой популярностью: в 14.15 все включают радио). Порой мне даже казалось, что популярность его слишком велика, что чехи его опасно канонизируют. Но стоило заглянуть в какую-нибудь газету или журнал, как сомнения развеивались карикатурой или насмешкой.

Так, в декабрьском номере журнала «Млады свет» есть снимок с шутилой подписью. На снимке Барбара Буш обращается к жене Гавела Ольге: «Не огорчайтесь, дорогая, мой муж тоже не выговаривает букву «р». Картавость президента — то, над чем можно и подтрунить. Но — любя. Его обожают. И как драматурга — тоже.

Надо сказать, что спектакли по его пьесам — пожалуй, лучшее, что есть сейчас на пражской сцене. Остроумный гротеск «Праздник в саду» в Национальном театре, чуть более бытовая спектакль Реалистического театра «Реставация», чуть злее — «Ларго дезалато» в родном театре Гавела «На забрадли». И — полный блеск — «Опера нищих» в Чиногернем клубе с Йозефом Абрахамом в роли Мэкхита. Эта, кажется, до сих пор не переведенная у нас гавеловская версия сюжета Гей-Брехта могла бы

„Экран и сцена“ (прелюдия к газ. „Сов. культура“), 1990, 27 сеп. — с. 13

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

и на нашей сцене прозвучать остро. Хотят в зале почти не смолкает, а финал — примирение бандита (читай: диссидента) Мэкки с полицией (читай: ГБ) — вызывает просто бурю эмоций.

Этот «чешский суперсвятая»

Кафка. Его присутствие в обыденной жизни Праги — не то, что в жизни советского человека! — почти незаметно. Зато в культуре без Кафки ни шагу. Один из западных участников конгресса ЕКК, иронизируя, отозвался о Кафке: «Этот чешский суперсвятая». И его действительно обожествляют. Продолжают издавать, переводить, находят новые его сочинения. Так, в этом году издательство «Одеон» впервые обнародовало недавно обнаруженные 32 письма Кафки к родным 1922—1924 годов. Сенсация! Позавидуешь, да и только. Ведь русский Кафка умещается в одном томике.

Но обожествление Франца Кафки связано не только с тем, что им гордятся как пражской достопримечательностью. Еврей, писавший по-немецки, не раз помогал возрождению духовного и национального самосознания чехов: с кафковского семинара 1963 года началась «пражская весна». Тогда впервые за послевоенные годы догма социализма зашаталась... Потом, правда, пришли танки и все «исправили». Состоявшийся в 1989 году Пражский кафковский фестиваль опять же явился предвестием возрождения — с него-то и началась «кроткая» ноябрьская революция 1989 года.

Будем надеяться, что и на объединенную Германию кафковский фестиваль подействует благотворно. Хотелось бы, конечно, чтобы и наши спектакли — «Процесс», поставленный в ленинградском театре «Эксперимент» чешским режиссером Лидой Энгеловой, и московский, поставленный в Театре Станиславского Александром Вилькиным, приняли участие в Бохумском фестивале. Доктор Шпильман обещал весной приехать в Союз. Может статься, к его приезду появятся и новые кафковские спектакли?

География

победила политику

Чехов. Антонов Павлович возник рядом с Кафкой еще на конгрессе, когда встали ряды две международные театральные программы: «Кафка» и «Вишневый сад». Но он и вообще хорошо чувствует себя в Праге. Все помнят знаменитые спектакли Отомара Крейчи в театре «За браной». Сейчас, после долгой внутренней эмиграции, театр Крейчи возвращается к пражанам — и опять с Чеховым, в январе состоится премьера «Вишневого сада». Чехов сейчас практически в одиночку представляет русский репертуар на чехословацкой сцене. Прежде было иное соотношение: львиную долю составляла советская и местная театральная макулатура, сквозь которую редко и с великим трудом удавалось прорваться Чехову, Булгакову, Вампилову, Разумовской. А сейчас «Дядя Ваня» с успехом идет на сцене Национального театра. Правда, еще большим признанием пользуется у пражских театралов «Иванов» в постановке Чадека — в Вене, куда теперь можно без хлопот выбраться просто на уик-энд.

Вена стала теперь ближе, чем Москва. География победила политику. Обретает нормальные черты и чехословацко-советская дружба. В ресторане бывшего Дома дружбы можно пообедать любому простому человеку, а не только членам бесконечных и никому не нужных партийно-правительственных делегаций. Опустел и Дом советской культуры (уголок его, правда, уже занял магазин импортных шмоток). Зато наконец открылся путь настоящей культуре. В январе в Прагу впервые (!) приедет на гастроли Таганка со спектаклями «Живой» и «Борис Годунов». А на окраине города, в районе Браник, и вовсе поселился театр-студия «Дерево» во главе с Антоном Адашинским. Он не нашел пристанища в Ленинграде, зато вполне уютно устроился под крылышком министерства культуры ЧСФР и Пражской сценической академии.

Кафкианские отношения между нашими культурами, кажется, приходят к концу. Если их не восстановят экономические сложности, то, даст Бог, будем ездить в Прагу, как пражане в Вену или в Париж, — на уик-энд, посмотреть новую пьесу Гавела.

Елена АЛЕКСЕЕВА.

ПРАГА — ЛЕНИНГРАД.